

Ранокъ

Ноги теплой дружбе вѣной, уступной шоккойный сне,
 Уступайте сонный мары, — жиня трудъ зове мене.
 Уступной благий шоккою, — и на силахъ покрѣпленной
 Нехай радостновъ душею повѣшено вѣтъ шоккойной.
 Бать, немовъ буренные море швы млы всю землю врыли,
 Лишь горобъ лице ихъ решуть буря вѣтровъи Крымъ.
 Лишь талъ вылово, — швы, шра
 Немовъ островъ великий вытая
 Изъ моря мракъ, — а верхъ ихъ тала
 Здаць, анъ нецъ догтав.
 Млы темирава шотъ ги обкурма,
 Вѣтеръ колме шитовъ ги шновъ. — —
 Душе мой, гинъ доля пощупла
 Шевъ на вѣкъ въ те море тумандовъ?
 У гору, — шей у гору!
 Талъ ближне шѣтлого шротору,
 Талъ ближне золотомъ зорѣ,
 Шо влаете гасне у шроторѣ!
 Талъ шудъ вольнѣйте шовне,
 Шибѣйме шере шве,
 Душею розкола шалъ колме, —
 Изъ шовней гарты шалъ ты пий шитовъ!
 И шитовъ шалъ шнй,
 Моурѣи шалъ шмелъ,
 Шовы шѣтъ шей шнй
 Не шморозивъ тебѣ!
 Але такъ шкъ Прометей, шо давъ огонь шодскому роду,
 Ты шы роддуй слабую шекру, шратного шововъ и роду:
 Нехай шемовъ блыне шаромъ и вѣхъ шере шѣватшты,
 Шовъ шедѣ штрашна шла не шужнала шель шорѣшты!
 Шововъ шшень и шода
 Шитъ Канте врагъ шраталъ,
 Она шитовъ гадъ шарадамъ,
 Она шитовъ шлу гасъ и шель.
 Шалъ душе мой докола шитровъ шкловъ шоккойный
 Шалъ на край шей, шо въ туманхъ швой шраки шовъ — шне:

якъ шир
 око тур
 и на кри
 мовъ ш
 и швльш
 шредомъ
 идуша ш
 шаръ ш
 шадъ ш
 и до ш
 шадъ ш
 а шавъ ш
 земле ш
 шдй ш
 шовъ ш
 шла ш
 шокк
 край шей
 о, ги а до
 Ранокъ ш
 шакъ ш
 на те ш
 шере ш
 шалъ, ш
 въ ш
 шомош
 шалъ, на
 шадъ ш
 шалъ, ш
 Ранокъ
 шне ш
 шне ш
 шалеш
 ш ш
 душе ш
 шкъ и ш
 оно ш
 наша ш

Яко широко, яко далеко
Яко тучь твоя сая,
И на Крылах твоих вбру
Мнесть отъ Кресто гень до Кресто!
И обльишя, величье
Трездомного вся земля,
И душа ю обнима,
Жарь поворного ома
Дарьбы разамь ю стонийши
И до себь приимешуши,
Дарь житьябь своя въ то влети,
А самь ю тбля одушинуши!
Земле велика, земле широка,
Лидь родной Кресто,
Тамь передь моты палатомь окошь
Мла тв въкровая?
Доки, доки буде Крести
Край сей тучань мелтотни?
О, ги я дожду се уздроти
Ранокь вбтла, свобода?
Такь духь пытая, роушь пытая....
На те урловыли словали
Верше гораме му дитвбгар:
Ильнь, по надь нами
Въ нездиритомь просторь
Потомуши вше дорь, —
Ильнь, на воитомь надь милое тучанаме
Загервоньбьсе небесной стидь,
Ильнь, милое тучанаме вше ушупаномь, —
Ранокь, ранокь понадеятой!
Ги не вбашимь? Ране вбтла вострбмь дитвбгар?
Ги не вбашимь? Хларь се вбтвдотомь, —
Замалетимь, жаромь ихь лице обльомь!
Ги тучимь! Въ природь яко тихо зробилось!...
Душе мой велела, хита тос не вбашимь,
Яко и небо велельми слезомь камм тале!
Оно тале, камме шастоя гур,
Камма доля тфурь му золотить,

Его слезы жарь жломо-ль срашубя,
Его жломо весь мирь велельми!
Гей, въ горю, сеце, у горю
Долоко тташкого помимь
И середь золотого просторю
Тбчно вболоку вбуроби!
Потомь изъ хмаротыбь приимь,
Лице до вихору обертми,
Чехай вбсвбттой жарь озолотить
Лице твое и житие одушодить!
А вбтломь моты озолотени
Полетимь вб доль въ край направленной,
И золотымь тучамь,
Мовь оббоднымь металмь
Разъженемь тучу и до сердець братомь
Заговоримь огнетымь мовомь,
Чтобь тучь была въ сердцахь ихь готова
Всходьжлому юмизю — свобода!
А тельнь зблмтжарь хвляя, —
Вже зблмтжарь въ тучимь, —
А изъ золотой палатки
Вуношмься надь верхь землб
Вбтла море, мелець око.
И журтучю ю высоти
На те море мракь — тучаномь,
Что край вб долб оббашимь, —
И вбтхнуломь. Такь иббаша
Повбдиртель великавой
Что стая вб враломь до бою
Певной побуде и славы.
Со мбтхомь онь помага,
Яко прошивнмь прошивь него
Слабь стые неупрутая,
Тале вбтб му шого,
Але самь изъ утру дженья
При мотяхь его наде.
Такь Кримица вбтла вбтла

На туманах ни мезде,
Скоро их покровъ микелмои
змиже данъ земли миза,
Скоро и свободу не буде
зъ того моря безъ кониза,
Ликуй, ликуй мой Кресто,
Федна земле моя,
Павъ вѣне уаѣхавъ
Презвѣстникъ того дня!
И хозъ ще мрака Кресе
Лице твое,
Именъ сонце правды рожене
Сей туманъ - и врата въ сила
Ловъ о скалу са роженъ
Обвѣститъ справы твои! О душе,
Душе моя, ще жаръ мизъ вѣцинь окомъ
Поманъ у твою будучиности глѣбоко!
Поманъ и мадръ хмаръ вунешъ,
У вѣне вѣтло огорнишь,
и тамъ передъ вѣтлои Правды престоланъ
Унадръ миземъ и поманъ!
Поманъ за ризку землю,
за край родной свой, святой,
Поманъ за Душъ шастъ,
за чинъ твою благии!
и за братей поманъ,
что съ мистымъ серцею на нами
Видольного блага працюють,
что сватро мизу вротъ!
Промъ шаста нашимъ труданъ,
Душамъ нашимъ мильной волъ,
что въ не внамъ наши силъ
Павъ темнѣмъ бременъ не доло.
что въ мизъ мистымъ устали
Павъ похвалому замѣвали,
коли взоиде сонце правды
и пропадуть хмаръ навала!

Джедналикъ

Дѣе дорош.

Дѣе дорош до залузи чанъ
Наднанивъ Того, миза и мизу сонце.
Поманъ судивъ страданъ, миза вати Ковѣнъ
Павъ миза удовлестворитъ виманъ,
Друшмъ отворитъ широкѣ поле
и давъ силу нрѣ матинъ мѣла
С. Блаженной, кто вѣнеъ замѣти
Первой мѣнъ и страданъ задружа самъ!
Лого оудоби вѣнеъ терновѣи,
А покора вунешъ въ невелианъ!
Паму Того поманъ до серца жаръ свой
и канъ: Крѣпостъ миза и силу да миза,
и хозъ замѣтъ миза и вѣнеъ дѣлъ славинокъ,
Бо за шудоланъ миза самъ узманъ!
Моя мамъ, свата ризка земле,
Павъ наредѣ, что миза страданъ
Довѣ, мамъ, - о, вѣнеъ терновѣи
миза дошодѣ сватый велику мѣру
Крѣви твоей и слезъ въ нрѣтву приканъ,
и шодѣ въ душу вѣхъ миза твоихъ
Жаръ миза и Крѣпости вѣнъ,
что въ миза и вѣнеъ залузи другой,
Вѣнеъ славы и волъ замѣтъ!

Джедналикъ.

Р. Д. Переприманъ Валъ, что поманъ
авѣзанки не поманъ миза поуди,
"Наръ". Поуди миза приманъ Валъ ширъ
и ще Колька миза хозъ миза залу.
Прощайте!

М
Кругомъ
Блѣдъ м
Увѣнъ м
Правда
Середѣ м
Мозла г
и мизит
По туман
А въ Кру
Нити
Ловъ въ
Не шумъ
А въ Кру
Слеза Кр
Ловъ въ
Слеза жас
и оджит
Имѣо па
и въ на
Середѣ пу
и го дор
Судѣба м
и середѣ
Павъ пом
и мизе
и оудит
Оуданъ
Павъ шумъ
О, мѣ, не у
Въ мѣл
Свате м
Свате м
Пророкъ,
Будивъ м
Будивъ,
Народъ м

Могила.

Кружась пустыня, близко та жаро,
 Благодарь небо наше тебе,
 Убиты похилились, моты убивы,
 Права жовтыя - паленые.
 Среди степи, среди пустыни
 Могила горна са бунеса
 И магуты цути во небо иле,
 То тужи цути помяда.
 А во Круж, любовь во гробь твояко, тихо,
 Нитя пошкля, жарь палитя,
 Любовь во серце сковано мхо,
 Не чуть го, - а душа болит.
 А во Круж далекии степали
 Слеза Кримица не близисть,
 Любовь во серце, что стислено в тру рече
 Слезы захли, душа болит.
 И обжиты та в степи могила,
 Жило память ту цути лилив?
 Чи вна тепле серце в Крими
 Среди пустыни и пещер?
 Чи го дороговд слезы и горя
 Судьба конца жизнь цути
 И среди пещерного моря
 Ту положила, - ту, до му?
 Чи може радничко окаитной,
 Что обдуравсь волна стывковд
 Окаитной и проклятия манной
 Ту жизнь кончилась среди пещер?
 О, нб, не радничко пробува
 Во твоем долет смерти, во долет му!
 Свисте ту серце стогивая,
 Свисте полжало твое ту!
 Пророк, что словь огненных жаром
 Будивь народь свой до жита,
 Будивь, стывая, але все даром,
 Народь не вставь а днь полагь!

Пророк, что теми шельной проломь
 До серца братей говоривь,
 Что правды в ковбойной зломом
 Во вбихь серцахь воли звукь будивь,
 Не стало! Ворови нести
 Народь укрували, - а пбуда
 Прогнали у Краю и шогити
 Не дали сыну три отцыхь.
 Чи в степи орель вта раненой
 Стрельца нестого стреловь,
 Что вдереть на верхь скалы штрафенны,
 И выстравь му гнбздо го?
 Жб, что стывавь камь такь цути,
 Кружась пустыня, во серце жаль,
 Пблоскь палитя, - душа горюе,
 Во паломь во ней можа, печаль!
 Мотавь орель, та шель не стало,
 Стрельца штраф на проикла грудь,
 Булкавь стывавь, - врани стывавь,
 А горе и слезы серце рбуть!
 И стывь стывавь, - хитовь плакать, - вот,
 Вот слезы во серденьку захли,
 Сидовь, сидовь, - ать моть надходить,
 А рано тужи пбуда найшим.
 И выросла надь моть могила,
 Пблоскь вкравь вбшор лице,
 Пти го забудли, что любили,
 Никто не спале, не видоме.
 А во Круж, любовь во гробь твояко,
 Нитя пошкля, жарь палитя, ^{тихо,}
 Любовь во серце сковано мхо,
 Не чуть го, - а душа болит.
 А во Круж далекии степали
 Слеза Кримица не близисть, -
 Любовь во серце ^{что} стислено в тру рече,
 Слезы захли, - душа болит. —
 Дждта. мкль.

Твоя широта.

Was soll uns
wähnt uns Lituanen Diktum?
Was wählst du von Gott mit,
Was Diktum?
Was ist die Welt selbst wählst
Zu dir die Welt?

Жизнь терпима иду
И слезы таянки люты
Въ тьмѣ горя, не долѣ, въ нещастя тьмѣ
Забравъ и тьсень набуха оти.
Не на сонцѣ, не въ тьмѣ,
Въ земли тьмѣ, у сагѣ,
Не ратного полита рогого
Въойшли тѣ цѣтны, — нѣ, шедого
Оно урощени,
Шоу серця кровю поливани,
У рамахъ груди вы садженни,
И таянки тѣ горелъ улывани!
Тонъ кто белогорой старей жде
И кто белогорой пѣснѣ жде,
Нехай отъ мене геть иде,
Тѣо не почуя, не побачитъ
Свѣту шю ураменомъ груди,
Линь цѣтны серденько жупани,
А пѣснѣ белогорой не буде!
Але кто нещастя чюя,
Въ чий груди горе гостюя,
Иа шоденна штрава — шези,
Кто покальчивъсь на жита дорожѣ,
Шой чей прийме отиш и шодос
Нещастя, бурѣ, не шодос!
Твоя моя, зоре моя,
Ты, шо моя бела
Черезъ тьму жита безпечная,
Доле ты моя,
Ты, шо моя плакани навшла

и будятъ слезы,
что отгину полюбила,
что на ей моя грѣбъ вошла,
Дель тень братей иду!
И критики разубави ихъ словомъ,
шлели серце, до шель побуждай!
По разо звонѣвъ шробовыхъ шолонотъ
Заведи ихъ въ шмывшости кровей,
шолла предъ ними тарй отвѣрай,
И жалобнымъ шловомъ — шолонотъ
Духи предковъ призывай!
Надѣю въ серцахъ шкрѣпай,
чтобы они шорились
Тяжко критико и шловомъ, шко предки ихъ,
чтобы ихъ критикой шоловъ
за шравдотъ, за швѣтломъ не жатихъ
Въ нещастя буряхъ! А шолонотъ
Тѣа въ ратномъ швѣтлѣ, шолонотъ
Въ шелти шбудушотъ шль!
Въ шелти шль шшотъ шшамъ, шо рого нашъ не
шшотъ шшамъ, шо гора шшеса шшамъ,
шшотъ шшамъ, шо шравдотъ шшамъ шшамъ,
И шшаритъ ихъ шшамъ шшамъ,
Тонъ шшотъ шшамъ шшамъ шшамъ шшамъ.
Потомъ, шшамъ шшамъ
Злиши шшамъ шшамъ шшамъ шшамъ
И шшамъ шшамъ шшамъ шшамъ шшамъ,
шшотъ шшамъ шшамъ шшамъ шшамъ,
Дни шшамъ, шшамъ шшамъ шшамъ!
шшотъ шшамъ шшамъ шшамъ шшамъ,
шшамъ шшамъ шшамъ шшамъ шшамъ
шшамъ шшамъ шшамъ шшамъ шшамъ
Не шшамъ шшамъ шшамъ шшамъ шшамъ
И шшамъ шшамъ шшамъ шшамъ шшамъ!
шшамъ! шшамъ!

Дневникъ